

СЕВЕР И ЮГ

В связи с тем что эта история впервые публиковалась в «Домашнем чтении», необходимо было соблюдать требования, обусловленные еженедельным изданием, а также придерживаться заявленных ограничений, дабы оправдать ожидания читателей. Хотя в данных условиях по мере возможности допускались послабления, автору не удалось развернуть повествование, следуя изначальному замыслу, — в частности, пришлось под конец ускорить ход событий до неправдоподобной поспешности. Чтобы в какой-то мере восполнить этот очевидный изъян, были добавлены различные короткие вставки и написано несколько новых глав. С этим кратким пояснением история представляется на суд благожелательного читателя.

ТОМ I

ГЛАВА I

ПРЕДСВАДЕБНАЯ СУЕТА

Ухаживал, женился, и все.

— Эдит! — тихонько позвала Маргарет. — Эдит!

Но Эдит, как и подозревала Маргарет, уснула. Она свернулась клубочком на диване в гостиной дома на Харли-стрит и, в белом муслиновом платье с голубыми лентами, выглядела прелестно. Если бы Титания¹ оделась в белое муслиновое платье с голубыми лентами и задремала в гостиной на диване, обитом темно-красной камчатной тканью, она выглядела бы точь-в-точь как Эдит. Маргарет, как всегда, залюбовалась красотой кузины. Они выросли вместе, и окружающие не раз отмечали миловидность Эдит, но Маргарет не задумывалась об этом до последнего времени, когда предстоящая разлука с подругой, казалось, придала Эдит еще большую прелесть и очарование. После обеда девушки шептались о свадебных нарядах и торжествах; и о капитане Ленноксе, с его описанием предстоящей жизни Эдит на Корфу, где был расквартирован его полк; и о том, как сложно поддерживать пианино в надлежащем состоянии (Эдит, похоже, считала это самым тяжелым испытанием из того, что могло выпасть на ее долю в замужестве); и о платьях, которые ей понадобятся во время медового месяца в Шотландии; потом шепот стал совсем сонным, и после затянувшейся паузы Маргарет обнаружила, что, несмотря на гул голосов в соседней комнате, Эдит свернулась в комочек — очаровательный комочек из муслина, лент и шелковистых локонов — и уснула мирным послеобеденным сном.

¹ *Титания* — в средневековом фольклоре королева фей, жена Оберона, героиня пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь».

Маргарет как раз намеревалась поговорить о собственных планах и мечтах, о своей будущей жизни в деревне, в доме священника, где жили ее родители и где она проводила незабываемые каникулы, хотя последние десять лет ее домом считался дом тети Шоу. Но за неимением слушателя ей пришлось размышлять о переменах в своей жизни, как и прежде, про себя. Это были приятные мысли, хотя и с оттенком сожаления из-за предстоящей разлуки на неопределенный срок со своей милой тетушкой и дорогой кухней. Она размышляла о преимуществах положения единственной дочери священника в Хелстоне, когда до нее донеслись обрывки разговора из соседней комнаты. Тетя Шоу беседовала там с приехавшими на обед дамами, чьи мужья все еще оставались в столовой. Все они были близкими знакомыми семьи, соседями, которых миссис Шоу звала друзьями, потому что ей доводилось обедать с ними чаще, чем с другими людьми, а также потому, что, если ей или Эдит нужно было что-то от них или им от нее, они, не чинясь, наносили друг другу визиты в первой половине дня. Эти дамы с мужьями были приглашены в качестве друзей на прощальный обед в честь предстоящего замужества Эдит. Сама Эдит охотнее отменила бы этот обед, из-за того что с последним вечерним поездом ожидалось прибытие капитана Леннокса. Эдит хоть и была избалованным ребенком, но по лени и легкомыслию не имела достаточной силы воли, чтобы настоять на своем, а потому уступила, выяснив, что миссис Шоу заказала самые изысканные для этого времени года лакомства, которые, несомненно, должны были скрасить невероятную скуку такого мероприятия, как прощальный обед. Эдит удовлетворялась тем, что, откинувшись на спинку стула и приняв чинный и отсутствующий вид, рассеянно водила вилок по тарелке, пока все остальные наслаждались остротами мистера Грея, джентльмена, который, по обыкновению, сидел в конце стола на званых обедах миссис Шоу и просил Эдит доставить им удовольствие игрой на пианино в гостиной. Мистер Грей был сегодня в ударе, и джентльмены оставались внизу дольше обычного. Благодаря этому Маргарет смогла услышать кое-что из разговора, который вели дамы.

— Я сама слишком много страдала. Нет, я не могу сказать, что не была совершенно счастлива с моим бедняжкой-генера-

лом, и все же разница в возрасте — это помеха для счастья, чего я твердо решила не допустить в жизни Эдит. Конечно, я предвидела, что мое дорогое дитя может выйти замуж рано. На самом деле, без всякой материнской предвзятости, я была уверена в том, что девочка выйдет замуж до девятнадцати лет. У меня возникло настоящее предчувствие, когда капитан Леннокс...

Здесь голос превратился в шепот, но Маргарет могла легко восполнить пробел. Истинная любовь в случае с Эдит развивалась весьма гладко. Миссис Шоу поддалась предчувствию, как она выразилась, и очень настаивала на браке, хотя многие знакомые Эдит прочили для нее, юной, хорошенькой наследницы, более блестящую партию. Но миссис Шоу сказала, что ее единственное дитя должно выйти замуж по любви, и вздохнула многозначительно, намекая, что ей самой не было даровано подобного счастья. Миссис Шоу наслаждалась романтической помолвкой едва ли не больше, чем ее дочь. Не то чтобы Эдит не была по-настоящему влюблена, но она, несомненно, предпочла бы хороший дом в Белгравии¹ той красочной жизни на Корфу, которую живописал капитан Леннокс. Некоторые подробности этого описания, так воодушевлявшие Маргарет, заставляли Эдит притворно трепетать и ужасаться — отчасти потому, что ей нравилось, как нежный возлюбленный пылко убеждает ее не страшиться трудностей, а отчасти потому, что ее действительно не привлекала кочевая, неблагоустроенная жизнь. И все же, появившись сейчас перед ней какой-нибудь владелец прекрасного дома, прекрасного состояния и прекрасного титула в придачу, Эдит устояла бы перед искушением и осталась бы верна капитану Ленноксу. Позднее у нее, возможно, появились бы небольшие сомнения и плохо скрываемое сожаление из-за того, что капитан Леннокс не смог соединить в себе все мыслимые совершенства. В этом она была дочерью своей матери, которая по расчету вышла замуж за генерала Шоу, испытывая вместо любви лишь уважение к его личности и положению, и всю жизнь неизменно, хотя и втихомолку, оплакивала свою горькую судьбу, связавшую ее с человеком, которого она не любила.

— Я не жалею расходов на ее приданое, — таковы были следующие слова, услышанные Маргарет. — Я отдала ей все прекрасные

¹ *Белгравия* — фешенебельный район Лондона недалеко от Гайд-парка.

индийские шарфы и шали, которые дарил мне генерал, но которые мне уже больше не носить.

— Как ей посчастливилось, — узнала Маргарет голос миссис Гибсон, дамы, вдвойне заинтересованной в разговоре, так как одна из ее дочерей несколько недель назад вышла замуж. — Хелен так мечтала об индийской шали, но я вынуждена была отказать собственной дочери, узнав о непомерной стоимости этой шали. Она просто умрет от зависти, когда узнает, что у Эдит есть индийские шали. Какие они? Из Дели? С очаровательной каемочкой?

Маргарет снова услышала голос тетушки, но на этот раз он звучал так, будто она поднялась со своего кресла и всматривалась в полумрак гостиной.

— Эдит! Эдит! — позвала она и затихла, словно утомилась от неимоверного усилия.

Маргарет прошла в гостиную:

— Эдит спит, тетя Шоу. Может, я помогу?

Огорченные полученным известием, дамы захохотали: «Бедное дитя!»

Даже миниатюрная комнатная собачка на руках у миссис Шоу затыкала, точно в знак сочувствия.

— Тихо, Крошка! Непослушная маленькая девочка! Ты разбудишь свою хозяйку. Я хотела попросить Эдит, чтобы она велела Ньютон принести сюда индийские шали. Может, ты распорядишься, Маргарет, милочка?

Маргарет направилась в старую детскую на втором этаже, где Ньютон чинила кружева, необходимые для свадьбы. Пока Ньютон, не отказав себе в удовольствии поворчать, распаковывала шали (в тот день их демонстрировали гостям уже четыре-пять раз), Маргарет оглядела детскую, первую комнату в доме, с которой она познакомилась девять лет назад, когда ее, совсем еще дикарку, привезли сюда, чтобы разделить комнату, игры и уроки с кузиной Эдит. Маргарет вспомнилась унылая детская, где властвовала суровая и чопорная няня, ужасно требовательная к чистоте рук и опрятности в одежде. Она вспомнила первое чаепитие здесь, отдельно от отца и тети, которые обедали где-то внизу, на немислимой глубине; она сама находилась где-то на небе (так казалось маленькой Маргарет), а они — в нед-

рах земли. Дома, до того как она поселилась на Харли-стрит, ей служила детской гардеробная ее матери. В доме сельского пастора, где вставали и ложились рано, Маргарет всегда садилась за стол вместе с отцом и матерью. Восемнадцатилетняя девушка ясно припомнила горе, терзавшее в тот день сердце девятилетнего ребенка. Она помнила, как спрятала голову под одеялом в ту первую ночь и как няня запретила ей плакать, потому что это могло разбудить мисс Эдит. И как она все равно плакала так же горько и безутешно, но уже втихомолку, пока почти незнакомая, но величественная и красивая тетя не поднялась наверх вместе с мистером Хейлом, чтобы показать ему его спящую дочурку. Тогда маленькая Маргарет перестала всхлипывать и лежала тихо, притворяясь спящей, чтобы не расстроить отца своим горем, потому что нельзя было открыто горевать после всех надежд, планов и ухищрений, через которые они прошли дома, прежде чем ее гардероб был приведен в соответствие с новыми жизненными обстоятельствами и прежде чем папа смог оставить свой приход, чтобы съездить в Лондон на несколько дней.

Теперь она полюбила старую детскую, хотя от той детской уже ничего не осталось. Маргарет окинула взглядом комнату, сожалея, что через три дня оставит ее навсегда.

— Ах, Ньютон! — сказала она. — Я думаю, мы все будем жалеть, что покидаем эту милую старую комнату.

— На самом деле, мисс, все, кроме меня. Мои глаза уже не так хорошо видят, как раньше, и свет здесь настолько тусклый, что я могу штопать кружева только у окна, а там всегда такой жуткий сквозняк, что может застудить до смерти.

— Ну, думаю, что в Неаполе у вас будет достаточно и света, и тепла. Так что отложи рукоделие до лучших времен. Спасибо, Ньютон, я сама отнесу шали вниз — вижу, ты занята.

Спускаясь вниз с охапкой шалей, Маргарет вдыхала их пряный восточный аромат. Тетя попросила ее на себе продемонстрировать шали гостям, так как Эдит все еще спала. Пышные волны и складки ярких тканей, которые совершенно подавили бы миниатюрную Эдит, эффектно подчеркивали прекрасную фигуру ее высокой, стройной подруги, одетой в черное шелковое платье в знак траура по какому-то дальнему родственнику.

Маргарет молча и терпеливо стояла прямо под люстрой, пока тетя расправляла складки. Случайно повернув голову, она мельком увидела свое отражение в зеркале над камином и улыбнулась: подумать только, собственное, такое привычное лицо — и в наряде принцессы. Она нежно касалась шалей, наслаждаясь их мягкостью и богатой расцветкой, и, как ребенок, радовалась, что так великолепно выглядит в них. В этот момент дверь открылась, и вошел Генри Леннокс. Некоторые дамы отошли назад, словно устыдившись исконно женского интереса к нарядам. Миссис Шоу протянула руку новому гостю, Маргарет осталась стоять на месте, полагая, что она, может быть, еще понадобится в качестве модели для демонстрации шалей. Но при этом она весело поглядывала на ошарашенного мистера Леннокса, как бы забавляясь нелепостью ситуации и ожидая от него сочувствия.

Поскольку мистер Леннокс не смог прийти к обеду, тетя Шоу немедленно принялась расспрашивать его о брате — женихе, о сестре — подружке невесты, приезжающей вместе с капитаном из Шотландии для участия в свадебной церемонии, и о прочих членах семейства Леннокс. Маргарет поняла, что больше ее услуги в качестве манекена не понадобятся, и занялась развлечением других гостей, о которых ее тетя как-то забыла. Вскоре и Эдит вышла из гостиной, моргая и щурясь от яркого света и поправляя слегка растрепавшиеся локоны, точь-в-точь Спящая красавица, только что пробудившаяся ото сна. Даже сквозь дремоту она инстинктивно почувствовала, что ради гостя из семьи Леннокс стоит проснуться. Она засыпала его вопросами о дорогой Дженет, будущей золовке, которую до сих пор не видела и о которой говорила в таких восторженных выражениях, что, не будь Маргарет такой гордой, она могла бы почувствовать ревность к новоявленной сопернице. Поскольку тетушка вернулась к своим обязанностям, беседуя с дамами, Маргарет отодвинулась в тень и, заметив, что Генри Леннокс поглядывает на свободный стул рядом с ней, поняла, что, как только Эдит освободит его от расспросов, он займет это место. До сих пор она не была вполне уверена, судя по сбивчивым объяснениям тетушки, появится ли он в гостиной этим вечером. Так что его появление оказалось для Маргарет едва ли не сюрпризом. Теперь-то она была уверена, что ее ждет приятный вечер. Ему нравилось и не

нравилось почти все то же, что и ей. Лицо ее заметно просветлело. Вскоре он подошел к ней. Она встретила его с улыбкой, в которой не было ни капли робости или застенчивости.

— Я полагаю, вы все заняты делами — то есть дамскими делами. Они очень отличаются от моего рода занятий — юриспруденции. Примерка шалей совсем не похожа на подготовку документов о передаче имущества.

— Представляю, как вас позабавило наше легкомысленное занятие. Но индийские шали и на самом деле превосходны в своем роде.

— Без сомнения. И цены на них тоже превосходны. Дальше восходить просто некуда.

Один за другим появлялись джентльмены, и гул голосов становился тоном ниже.

— Это ваш последний прием, верно? И до четверга больше не будет?

— Нет. Я думаю, после этого вечера все успокоятся. Я не отдыхала уже несколько недель. В конце концов, нам всем нужно отдохнуть, ведь приготовления к важному событию уже закончены. Я рада, что у меня появится время для размышлений, и уверена, что Эдит тоже рада.

— Насчет нее я не так уверен, но могу представить, что вы точно будете рады. Когда я видел вас в последний раз, вы просто утопали в водовороте чужих дел.

— Да, — с легкой грустью согласилась Маргарет, припоминая бесконечную суматоху и треволения по пустякам, продолжавшиеся уже больше месяца. — Удивительно, неужели перед свадьбой всегда приходится, как вы говорите, утопать в водовороте? Или возможно тихое и мирное развитие событий?

— Ну, например, если бы фея — крестная Золушки обеспечила приданое, организовала свадебный прием и разослала приглашения, — ответил мистер Леннокс, улыбаясь.

— Но неужели все эти хлопоты так необходимы? — спросила Маргарет, глядя на него в ожидании ответа.

Неописуемая усталость от всех этих тщеславных приготовлений, которыми распорядилась Эдит в течение последних шести недель, навалилась на Маргарет, и ей очень хотелось поговорить о свадьбе приятной и тихой.

— Конечно, — ответил он, изменив тон на более серьезный. — Существуют формальности и церемонии, которые принято соблюдать не столько для собственного удовольствия, сколько ради того, чтобы избежать кривотолков, от которых удовольствия еще меньше. Но как бы вы устроили свадьбу?

— Ну, я никогда особо не думала об этом. Я бы хотела, чтобы было прекрасное солнечное утро и я бы шла в церковь под сенью деревьев. Мне бы не хотелось иметь много подружек, не хотелось бы организовывать свадебный прием. Может, я настроена против всех этих формальностей потому, что они доставили мне столько беспокойства за последнее время.

— Думаю, что не поэтому. Исполненная достоинства простота отвечает вашему характеру.

Маргарет не слишком понравилось его замечание. Она поморщилась от этого еще сильнее, припомнив их прошлые беседы, когда он пытался вовлечь ее в обсуждение ее собственного характера и привычек, хотя, надо заметить, неизменно их одобрял. Она положила конец его попыткам, заметив:

— Мне легче представить прогулку к церкви в Хелстоне, чем поездку в карете посреди мостовой к лондонской церкви.

— Расскажите мне о Хелстоне. Вы никогда не описывали его. Я бы хотел иметь некоторое представление о том месте, где вы будете жить, когда дом на Харли-стрит опустеет. Прежде всего, Хелстон — это деревня или город?

— Так, деревушка. Я не думаю, что его можно назвать даже деревней. Там всего лишь церковь и по соседству с ней несколько домиков, точнее, коттеджей с розовыми цветниками посреди зеленых лугов.

— Нужно еще добавить, что они цветут круглый год, особенно в Рождество, и картина будет закончена, — улыбнулся он.

— Нет, — ответила Маргарет, слегка задетая, — я не рисую картину. Я пытаюсь описать Хелстон так, как он выглядит на самом деле. Вам не следовало этого говорить.

— Каюсь, — ответил он. — Только ваше описание больше похоже на деревню из сказки, чем из действительности.

— Так и есть, — с горячностью отозвалась Маргарет. — Все другие места в Англии, что я видела, кажутся суровыми и прозаичными после Нью-Фореста. Хелстон похож на деревню из стихотворения, например, Теннисона. Но я ничего не буду боль-

ше пытаться описывать. Вы только посмеетесь надо мной, если я начну рассказывать, что я думаю об этом месте, каково оно на самом деле.

— Обещаю, что не буду. Но я вижу, вы настроены решительно. Тогда расскажите мне о доме священника, я хотел бы узнать о нем побольше.

— Я не могу описать свой дом. Это просто дом, и я не могу передать его очарование словами.

— Я сдаюсь. Вы довольно суровы сегодня, Маргарет.

— Разве? — спросила она, удивленно взглянув на него своими большими глазами. — Вот уж не подумала бы.

— Ну, я всего лишь сделал неудачное замечание, а вы не стали рассказывать мне не только о Хелстоне, но и о вашем доме, хотя мне очень бы хотелось узнать и о том и о другом, а о последнем особенно.

— Но я действительно не могу рассказывать о своем доме. Я не думаю, что о таком можно вообще рассказать, если вы не видели дом собственными глазами.

— Ну, тогда, — помедлив немного, сказал он, — расскажите мне о ваших занятиях. Здесь вы читаете или берете уроки, иными словами, совершенствуете свой ум до полудня. Потом гуляете, потом катаетесь в коляске с тетей, с кем-то встречаетесь по вечерам. Теперь опишите свой день в Хелстоне. Вы ездите верхом, катаетесь или гуляете?

— Гуляю, конечно. У нас нет лошади, даже для папы. Он ходит пешком даже к самым дальним своим прихожанам. Прогулки — это прекрасно, и нам было бы стыдно ездить в коляске, а уж тем более ездить верхом.

— Вы много работаете в саду? По-моему, это подходящее занятие для юных леди в деревне.

— Я не знаю. Боюсь, я не люблю такую тяжелую работу.

— Стреляете из лука, устраиваете пикники, участвуете в балах охотничьего общества или любителей скачек?

— О нет! — ответила она, смеясь. — У папы очень скромный доход. Если бы даже такие события происходили по соседству, сомневаюсь, чтобы я приняла в них участие.

— Понятно, вы не расскажете мне ничего. Вы только расскажете, чем вы не намерены заниматься. Надеюсь, до окончания каникул я навещу вас и посмотрю, чем вы там заняты.

— Надеюсь, так и будет. Тогда вы сами увидите, как прекрасен Хелстон. Теперь я вас покину. Эдит собирается музицировать, а я гожусь только на то, чтобы переверачивать для нее страницы. И, кроме того, тете Шоу не понравится, что мы разговариваем.

Эдит играла блестяще. В середине пьесы дверь приоткрылась, и Эдит увидела капитана Леннокса, стоявшего в нерешительности. Она прекратила играть и бросилась прочь из комнаты, оставив смущенную и покрасневшую Маргарет объяснять удивленным гостям, какое видение заставило Эдит внезапно сорваться с места. Капитан Леннокс приехал раньше, чем ожидалось, или было уже так поздно? Все взглянули на часы, вежливо удивились и стали расходиться.

Потом Эдит вернулась, вся светясь от удовольствия, робко и одновременно гордо ведя за собой высокого красавца-капитана.

Его брат пожал ему руку, а миссис Шоу поприветствовала его в своей мягкой, радушной манере, однако в ее голосе проскальзывали печальные и даже жалобные нотки — следствие долгой привычки представлять себя жертвой неудачного брака. Но теперь, когда генерал скончался, жила она совсем неплохо, хотя ей не хватало чего-то вроде беспокойства или хотя бы огорчения. Впрочем, в последнее время миссис Шоу нашла повод для огорчения: она стала опасаться за свое здоровье. При мысли об этом у нее появлялся легкий нервный кашель. И некоторые услужливые доктора присоветовали ей то, о чем она мечтала: провести зиму в Италии. Миссис Шоу, как и большинство людей, временами испытывала сильные желания. Но она никогда не любила поступать открыто согласно своей воле и для собственного удовольствия. Она предпочитала уступать требованиям и пожеланиям других и потворствовала себе в этом. Миссис Шоу постоянно убеждала себя, что подчиняется жесткой внешней необходимости, и тогда она могла сколько угодно ныть и жаловаться, на самом деле поступая по-своему.

Она начала со вздохом рассказывать о своем вынужденном путешествии капитану Ленноксу. Тот из чувства долга соглашался со всем, что говорила его будущая теща, и незаметно искал глазами Эдит, которая руководила сервировкой стола и за-

казывала прислуге самые разные лакомства, несмотря на его заверения, что он поужинал два часа назад.

Мистер Генри Леннокс стоял, прислонившись к камину и забавляясь семейной сценой. Он был явно похож на своего брата, хотя и считался в этой необыкновенно красивой семье некрасивым. Но его лицо было умным, живым и проницательным. Время от времени Маргарет гадала, о чем он думает, когда молчит и наблюдает с несколько саркастическим любопытством за всем, что делают она и Эдит. Впрочем, сарказм был вызван разговором миссис Шоу с его братом и не относился к девушкам. Напротив, он думал, что обе кузины, занятые сервировкой стола, являют собой весьма приятное зрелище. Эдит предпочла все сделать сама. Она была в хорошем настроении и радовалась, показывая своему жениху, как хорошо она сможет справиться с ролью солдатской жены. Обнаружив, что вода в чайнике остыла, она приказала принести из кухни большой чайник. Эдит приняла его в дверях и пыталась нести, но ей было очень тяжело. Она вошла, надув губки, с черным пятном на муслиновом платье и с отметиной от чайника на маленькой белоснежной ручке, которую она показала капитану Ленноксу, словно ребенок, и, разумеется, за этим последовало надлежащее утешение. Маргарет быстро разожгла спиртовку, которая пришлась очень кстати здесь, но вряд ли пригодилась бы в кочевом лагере, каковым Эдит представляла себе жизнь в солдатских казармах.

После этого вечера суета продолжалась и закончилась лишь со свадьбой.

ГЛАВА II

РОЗЫ И ШИПЫ

Сквозь мягкий зеленый свет деревьев,
По ковру мха, где прошло твое детство;
К твоему дому, откуда ты
Впервые взглянул с любовью в летнее небо.

Миссис Химанс

В неторопливой повозке Маргарет, одетая в легкое летнее платье, возвращалась домой вместе с отцом, который приезжал в Лондон на свадьбу. Ее мать осталась дома по многим причинам,

но только мистер Хейл знал истинную. Миссис Хейл решительно отказалась надеть на свадьбу серое атласное платье, которое было уже не новым, но еще и не старым, аргументируя это тем, что если у ее мужа нет денег, чтобы одеть свою жену во все новое, то она не покажется на свадьбе у дочери своей единственной сестры. Если бы миссис Шоу догадалась об истинной причине отсутствия миссис Хейл, она бы подарила ей кучу платьев. Но уже больше двадцати лет прошло с тех пор, как миссис Шоу была бедной, хорошенькой мисс Бересфорд, и она уже забыла все огорчения, кроме роковой разницы в возрасте с собственным мужем, о которой она могла распространяться в течение получаса. Ее дорогая Мария вышла замуж по любви за человека с прекрасным характером, всего на восемь лет старше ее. Мистер Хейл был одним из самых очаровательных проповедников, которых она когда-либо слышала, и совершенным идеалом приходского священника.

— Что еще может желать дорогая Мария в этом мире, выйдя замуж по любви? — рассуждала миссис Шоу.

Выскажись миссис Хейл начистоту, она могла бы многое на это ответить. Она бы обязательно упомянула серебристо-серое шелковое платье, белую шляпку, еще дюжину нарядов и украшений и сотни вещей для дома.

Маргарет знала лишь, что ее мать не сочла удобным приехать, и в глубине души не сожалела об этом, полагая, что им лучше встретиться в Хелстоне, чем посреди суматохи в доме на Харли-стрит, где ей самой пришлось играть роль Фигаро и быть здесь и там в одно и то же время. Маргарет слишком устала от того, что ей пришлось сказать и сделать за последние сорок восемь часов. После всех поспешных прощаний с тетюшкой и кухонной она чувствовала себя подавленной, сожалея о временах, которые прошли безвозвратно, какими бы они ни были. На сердце у Маргарет было намного тяжелее, чем она ожидала, хоть она и возвращалась в свой родной дом, к той жизни, о которой она мечтала долгие годы, пока тоска не притупилась. Она с болью отгоняла воспоминания о прошлом, надеясь на радостное и безмятежное будущее. Наконец ее мысли обратились к настоящему, к любимому отцу, который спал, откинувшись на спинку сиденья. Его иссиня-черные волосы уже начали сесть и падали

на лоб редкими прядями. Черты его лица стали резче, хотя когда-то они были очень изящными и считались даже красивыми. Во сне лицо священника казалось безмятежным, но это был скорее отдых после трудов, чем спокойствие того, кто вел беззаботную жизнь, лишённую тревог. Маргарет была глубоко поражена его изможденным, озабоченным видом и попыталась найти в известных ей обстоятельствах его жизни что-то, что помогло бы ей понять, какие страдания точили сердце ее отца.

«Бедный Фредерик! — подумала она, вздохнув. — О, если бы Фредерик стал пастором, вместо того чтобы пойти на флот и исчезнуть для нас! Мне бы хотелось больше знать об этом. Я ничего не поняла со слов тети Шоу. Я только знаю, что он не может вернуться в Англию из-за того ужасного случая. Бедный дорогой папа! Каким печальным он выглядит! Я так рада, что еду домой, чтобы быть рядом с папой и мамой и, может быть, послужить для них утешением».

Когда отец проснулся, она встретила его радостной улыбкой, в которой не было ни тени усталости. Он улыбнулся в ответ, но рассеянно, как будто это было для него непривычно. На его лицо опять вернулось привычное выражение озабоченности. У него появилась привычка приоткрывать рот, как будто он намерен что-то сказать, и этот постоянно полуоткрытый рот придавал его лицу нерешительное выражение. Но у него были такие же большие нежные глаза, полуприкрытые прозрачными белыми веками, как у дочери. Его взгляд был медлителен и слегка высокомерен. Маргарет больше походила на него, чем на мать. Иногда люди поражались, что у таких красивых родителей дочь была далеко не так хороша собой, даже, как считали некоторые, вообще некрасива. Рот у нее был широковат и вовсе не напоминал розовый бутон, способный произнести только «да», или «нет», или «пожалуйста, сэр». Но ее пухлые алые губы имели мягкий изгиб. Ее кожа цвета слоновой кости, отнюдь не белоснежная, была гладкой и нежной. Выражение ее лица, обычно слишком сдержанное и даже высокомерное для такой молодой девушки, теперь, во время беседы с отцом, изменилось: она сияла, как летнее утро, на щеках появились ямочки, а во взгляде читались детская радость и надежда на будущее.

Маргарет вернулась домой в конце июля. Деревья в лесу оделись в темную густую зелень, а папоротник под ними купался в косых солнечных лучах. Дни стояли знойные и душные. Маргарет много гуляла, сминая папоротник с жестоким весельем, чувствуя, как он поддается под ее легкими ступнями и испускает ему одному присущий аромат. Она забредала на пустоши, купавшиеся в теплом благоуханном свете, видела множество диких, свободных, живых существ — зверьков и насекомых, наслаждавшихся солнечным светом, травы и цветы, согретые солнцем. Жизнь и особенно эти прогулки в полной мере оправдали ожидания Маргарет. Она гордилась своей лесной деревней. Люди, живущие по соседству, были близки ей. Она завела сердечных друзей, с удовольствием осваивала и употребляла местные словечки, чувствовала себя среди них свободно, ласкала их детей, беседовала со стариками или читала для них медленно и отчетливо, носила вкусные лакомства больным и в конце концов решила преподавать в школе, куда ее отец ходил каждый день по долгу службы. Ей постоянно хотелось пойти и навестить кого-то из новых друзей — мужчину, женщину или ребенка, — живущих в коттеджах в зеленой тени леса. Ее жизнь за пределами дома протекала радостно, однако в доме далеко не все складывалось так благополучно. Она упрекала себя, как наивный ребенок, за проницательность, за то, что она понимала, что все идет не так, как должно было быть. Ее мать, всегда такая добрая и нежная с ней, временами казалась неудовлетворенной их положением. Она считала, что епископ поступает несправедливо, не предоставив мистеру Хейлу более прибыльного прихода, и укоряла своего мужа за то, что тот не осмеливался заявить о своем желании оставить приход и получить более высокий пост. Он неизменно отвечал, что, если бы ему удалось сделать что должно в маленьком Хелстоне, он был бы вполне доволен. Но с каждым днем отец становился все более подавленным. Всякий раз, когда миссис Хейл требовала, чтобы ее муж просил о повышении, он все больше замыкался в себе. В такие дни Маргарет старалась примирить свою мать с Хелстоном. Миссис Хейл жаловалась, что жизнь в слишком тесном соседстве с лесом плохо сказывается на ее здоровье, и Маргарет пыталась напо-

мнить ей о залитых солнцем пустошах. Она была уверена, что мать просто слишком привыкла к домашней жизни, лишь изредка выбираясь за пределы церкви, к школе и соседским домам. На время такие разговоры помогли, но, когда наступила осень и погода стала более изменчивой, мысли матери вернулись к нездоровому климату Хелстона. Она снова стала жаловаться, что хотя ее муж более образован, чем мистер Хьюм, и лучше исполняет обязанности викария, чем мистер Голдсворт, он уступает по своему положению обоим бывшим соседям.

Маргарет оказалась не готова к атмосфере недовольства, царившей в доме. Она без сожаления рассталась с роскошью Харли-стрит, которая лишь мешала ее свободе. Конечно, роскошь приносила наслаждение, но умение довольствоваться простыми радостями и гордость могли помочь Маргарет обойтись без всякой роскоши, если было нужно. Но тучи никогда не приходят с той стороны, откуда их ждешь. Конечно, и прежде, когда Маргарет проводила каникулы дома, ей доводилось слышать жалобы матери на мелкие неурядицы в Хелстоне и низкое служебное положение мистера Хейла, но в целом воспоминания о тех временах были счастливыми, и она легко забывала обо всех неприятностях.

Во второй половине сентября начались осенние дожди и сильные ветры, и Маргарет вынуждена была проводить дома больше времени, чем прежде. В Хелстоне было мало людей их круга, и в доме викария гости бывали редко.

— Хелстон, несомненно, одно из самых захолустных мест в Англии, — заявила миссис Хейл в одну из своих плохих минут. — Я не могу не сожалеть о том, что папе не с кем здесь общаться, мы живем так уединенно, что он неделями не видит никого, кроме фермеров и рабочих. Если бы мы только поселились на другой стороне прихода! Мы бы могли прогуливаться до Стэнфилдза и, конечно, навещать Горманов.

— Горманы? — переспросила Маргарет. — Это те Горманы, что разбогатели на торговле в Саутгемптоне? Я рада, что мы не навещаем их. Я не люблю торговцев. Я думаю, нам лучше жить вдаль от всех, общаясь только с сельскими жителями и рабочими, людьми без претензий.

— Ты не должна быть такой привередливой, Маргарет, дорогая! — сказала ее мать, вспоминая молодого красивого мистера Гормана, с которым она однажды познакомилась у мистера Хьюма.

— Вовсе нет! У меня весьма разносторонний вкус. Мне нравятся люди, чьи занятия связаны с землей. Мне нравятся солдаты и моряки, и я люблю людей, как говорят, образованных. Ты же не требуешь, чтобы я восхищалась всеми подряд — мясниками, булочниками и другими торговцами, правда, мама?

— Но Горманы — это не все подряд, они очень уважаемые люди, у них солидное дело по производству экипажей.

— Очень хорошо. Производство экипажей — та же самая торговля, и я думаю, они намного бесполезнее, чем мясники и булочники. Как же я уставала кататься каждый день в экипаже тети Шоу! И как я наслаждалась прогулками!

И Маргарет гуляла, несмотря на погоду. Она была так счастлива, уходя из дому, что готова была пуститься в пляс. Она шла по пустоши, а западный ветер мягко подталкивал ее в спину. Ей казалось, что она — листок, гонимый осенним ветром. Но по вечерам мир в семье сохранять было трудно. Сразу же после чая отец удалялся в свою маленькую библиотеку-кабинет, и они с матерью оставались наедине. Миссис Хейл никогда не интересовалась книгами и с самого начала семейной жизни отвергла попытки мужа читать ей вслух, пока она работала. Иногда они играли в триктрак. Но позже у мистера Хейла появилось много забот, связанных со школой и приходом, и вскоре он обнаружил, что жена вовсе не считает эти заботы важной частью его профессии, а полагает, что он поступает так, просто чтобы позлить ее. Он сдался, когда дети были еще совсем маленькими, и обрел утешение в философских и богословских трактатах, читая их в своем крохотном кабинете в те вечера, которые проводил дома.

Когда Маргарет приезжала домой на каникулы, она обычно привозила с собой большую коробку книг, рекомендованных учителями или гувернанткой. Тогда даже летние дни казались ей слишком короткими, чтобы успеть прочитать все до отъезда. Теперь в ее распоряжении были только прекрасно переплетенные и мало читанные томики английских адептов классицизма,

изгнанные из отцовского кабинета на книжные полки в гостиной. Самыми новыми и наиболее пригодными для чтения среди них оказались «Времена года» Томсона, «Биография Уильяма Купера» Хейли и «Жизнеописание Цицерона» Миддлтона. Выбор был явно ограничен. Маргарет рассказала матери все подробности своей жизни в Лондоне. Миссис Хейл слушала с интересом, иногда удивлялась и задавала вопросы, а иногда не без сожалений сравнивала спокойную и налаженную жизнь сестры с довольно скромным образом жизни в хелстонском приходе. В такие вечера Маргарет оставалось только умолкать и слушать, как дождь стучит по свинцовой крыше эркера. Раз-другой Маргарет поймала себя на том, что механически считает капли, гадая, осмелится ли она когда-нибудь обратиться к предмету, столь дорогому ее сердцу, и спросить, где сейчас Фредерик, что он делает, давно ли получали от него письмо. Но Маргарет также понимала, что хрупкое здоровье матери и явная неприязнь к Хелстону начались со времени мятежа, в котором Фредерик принимал участие. О подробностях случившегося никогда не говорилось, и Маргарет казалось, что вся семья молча предала эту историю забвению. Это заставляло Маргарет останавливаться и уходить от опасной темы. В обществе матери более подходящим человеком, к которому можно обратиться с вопросом, казался ей отец. Когда же она была с отцом, она думала, что легче было бы поговорить об этом с матерью. Возможно, ничего нового она бы не услышала. В одном из писем, которые она получила до отъезда с Харли-стрит, отец написал ей, что они получили весточку от Фредерика. Он все еще находится в Рио-де-Жанейро, в добром здравии и посылает ей горячий привет. Это были скупые строчки, ни капли живого участия, которого она ожидала. Когда изредка упоминали его имя, то всегда называли его не иначе как «бедный Фредерик». Его комната содержалась в том виде, в каком он ее оставил, стараниями Диксон, горничной миссис Хейл. Не обремененная никакими другими домашними обязанностями, Диксон постоянно вспоминала день, когда леди Бересфорд взяла ее в дом в качестве горничной двух прелестных мисс Бересфорд, подопечных сэра Джона, признанных красавиц графства Ретленд. Диксон всегда считала мистера

Хейла препятствием, вставшим на пути блестящего будущего ее дорогой барышни. Если бы мисс Бересфорд не вышла столь поспешно замуж за бедного сельского священника, кто знает, кем бы она могла стать. Но Диксон была слишком преданной, чтобы оставить свою госпожу в несчастье (то есть в замужестве). Она осталась при ней и всегда считала себя доброй феей, в чьи обязанности входит защищать хозяйку от происков зловредного великана, мистера Хейла. Мастер Фредерик был ее любимцем и гордостью, и она еженедельно приходила прибирать его комнату с таким тщанием, будто он мог вернуться домой в этот же вечер.

Маргарет подозревала, что, хотя мать и не знала, наверняка были и другие письма от Фредерика, из-за которых отец впал во все большее беспокойство. Миссис Хейл, по всей видимости, не замечала перемен во внешности и поведении мужа. Он всегда был нежным и добрым, готовым оказать помощь всем, кто нуждался в помощи. Он на несколько дней погружался в тоску, побывав у смертного ложа или получив известие о преступлении. Но теперь Маргарет замечала его отсутствующий взгляд, как будто его мысли были постоянно чем-то заняты и никакие насущные заботы, будь то утешение страждущих или преподавание в школе, дабы грядущее поколение отвращало свои помыслы от зла, не могли отвлечь его от тайного бремени. Мистер Хейл не навещал, как бывало, своих прихожан, но все чаще закрывался в кабинете, беспокойно ожидая деревенского почтальона, который извещал семью о своем приходе легким стуком в ставень кухни, и в прежние времена ему приходилось стучать не единожды, пока кто-нибудь в доме его услышит. Теперь мистер Хейл часто слонялся по саду, если утро было хорошим, а если нет, стоял задумчиво в кабинете у окна, пока не появлялся почтальон. Проходя по тропинке, почтальон почтительно, но с видом заговорщика отрицательно качал головой, и священник провожал его взглядом, пока тот не скрывался за изгородью из шиповника и большим земляничным деревом, а потом возвращался к себе в комнату и с тяжелым сердцем и беспокойными мыслями приступал к работе.

Но Маргарет была в том возрасте, когда любое предчувствие, не основанное на подлинных сведениях или событиях, с легко-

стью изгоняется ярким солнечным днем или счастливыми внешними обстоятельствами. И когда в октябре наступили две замечательные недели, ее заботы унеслись, как пушинки чертополоха, и она не думала ни о чем, кроме красоты леса. Папоротники завяли, и теперь, после дождей, стали доступны многие поляны, которые Маргарет только мимоходом разглядывала в июле и августе. В Лондоне она училась рисовать вместе с Эдит, и теперь, когда наконец наступила хорошая погода, решила восполнить праздные летние прогулки, когда она просто любовалась красотой лесов, и сделать несколько эскизов. Так, однажды утром она занималась подготовкой планшета, когда Сара, горничная, широко распахнула дверь гостиной и объявила: «Мистер Генри Леннокс».

ГЛАВА III

ТИШЕ ЕДЕШЬ — ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ

Учись завоевывать веру женщины
Благородно, так как вещь — дорогая;
Храбро, как жизнь у смерти,
С верной торжественностью.

Веди ее от праздничных подмостков,
Укажи ей звездные небеса,
Охраняй ее своими искренними словами,
Очищенными от лести ухаживания.

Миссис Браунинг

«Мистер Генри Леннокс». Всего минуту назад Маргарет подумала о нем, вспоминая, как он расспрашивал ее в Лондоне о том, чем она будет заниматься дома. Поистине, как говорят французы, «помяни солнце, и увидишь луч света»: именно такой луч осветил лицо Маргарет, когда она отложила планшет и крепко пожала руку Генри.

— Позови маму, Сара, — сказала она. — Мы с мамой хотим задать вам много вопросов об Эдит. Я так рада, что вы приехали.

— Разве я не говорил, что приеду? — негромко и слегка напряженно спросил он.

— Но я слышала, что вы уехали в Горную Шотландию, поэтому и подумать не могла, что вы заглянете в Хэмпшир.

— Ну, — он улыбнулся с видимым облегчением, — наши молодожены откалывали такие дурацкие штуки, и весьма рискованные притом: то полезут на гору, то отправятся на лодке под парусом по озеру; а посему я пришел к заключению, что им необходим наставник. И оказался совершенно прав, потому что мой дядя справиться с ними не мог и они держали бедного старика в напряжении по шестнадцать часов в день. Честное слово, как только я понял, что нельзя полагаться на их собственный здравый смысл, я счел своим долгом не покидать их, пока своими глазами не увижу, что они в целостности и сохранности погрузились на корабль в Плимуте.

— Вы были в Плимуте? Эдит ни словом не обмолвилась об этом. Наверно, она, как обычно, писала в спешке. Они действительно отплыли во вторник?

— Да, отплыли и сняли с меня груз ответственности. Эдит передала со мной письмо со всевозможными новостями для вас. Небольшая записочка, по-моему, где-то здесь. Да, вот она.

— Спасибо! — воскликнула Маргарет.

Потом, желая насладиться чтением в одиночестве и без свидетелей, она, извинившись, сказала, что Сара, похоже, забыла или что-нибудь перепутала и придется ей самой предупредить мать о приезде мистера Леннокса.

Когда она вышла из комнаты, Леннокс принялся, по своему обыкновению, тщательно осматриваться. Небольшая гостиная в потоках утреннего света выглядела достойно. Среднее окно в эркере было распахнуто, и внизу виднелись кусты роз и алой жимолости. Маленькая лужайка пестрела цветами вербены и герани всевозможных оттенков. Но эти яркие цвета снаружи только подчеркивали скромную обстановку комнаты: потертый ковер, выцветшие ситцевые занавески и обои. Сама комната оказалась гораздо меньше и беднее, чем он ожидал, вовсе не под стать царственному облику Маргарет. Он взял одну из книг, лежащих на столе. Это был «Рай» Данте, в старинном итальянском переплете из белой веленовой бумаги с золотым тиснением. Рядом лежал словарь и список выписанных из него рукой Маргарет слов. Это был скучный список слов, но ему почему-то нравилось смотреть на них. Вздохнув, он положил книги на место.

«Они живут весьма скромно, как она и говорила. Странно — кажется, Бересфорды считались вполне обеспеченными».

Маргарет тем временем нашла свою мать. У миссис Хейл был один из тех дней, когда все не ладилось и валялось из рук. И появление мистера Леннокса тоже было воспринято с огорчением, хотя в глубине души она чувствовала себя польщенной тем, что он взял на себя труд навестить их.

— Как неудачно! Мы обедаем сегодня рано, и у нас нет ничего, кроме холодного мяса, ведь слуги гладят белье. Но мы, разумеется, должны пригласить его к обеду, как-никак он приходится Эдит деверем. А твой папа сегодня утром в таком подавленном настроении, и я не знаю из-за чего. Я только что заходила к нему в кабинет, а он там сидит, склонившись к столу и закрыв лицо руками. Я сказала ему, что воздух Хелстона вреден ему не меньше, чем мне, а он внезапно поднял голову и попросил меня не говорить больше ни слова о Хелстоне, потому что ему тяжело слышать это. Если есть на земле место, которое он любит, — это Хелстон. Но я уверена, это все из-за сырого и расслабляющего воздуха.

Маргарет почувствовала, как на ее небосклоне появилось холодное облачко и заслонило собой солнце. Она слушала терпеливо, надеясь, что, выговорившись, мать почувствует облегчение. Однако пора было вернуться к мистеру Ленноксу.

— Папе нравится мистер Леннокс, они прекрасно поладили на свадебном приеме. Полагаю, его приезд обрадует папу. И не беспокойся насчет обеда, мамочка. Холодное мясо превосходно подходит для ланча, и мистер Леннокс наверняка посчитает его за ранний обед.

— Но чем мы займем его до этого? Сейчас только половина одиннадцатого.

— Я попрошу его пойти со мной порисовать. Я знаю, он рисует, и тебе не придется его развлекать, мама. Только пойди к нему сейчас, а то он может счесть странным, если ты не появишься.

Миссис Хейл сняла черный шелковый передник и слегка помассировала лицо. Выглядела она очаровательно и женственно и приветствовала мистера Леннокса с радушием, подобающим при встрече с родственником. Он явно ожидал, что его попросят

Содержание

СЕВЕР И ЮГ

Перевод В. Григорьевой и Е. Первушиной

Том I

Глава I. Предсвадебная суета	7
Глава II. Розы и шипы	17
Глава III. Тише едешь — дальше будешь	25
Глава IV. Сомнения и трудности	35
Глава V. Решение	46
Глава VI. Прощание	58
Глава VII. Новые места и новые лица	64
Глава VIII. Ностальгия	72
Глава IX. Переодеться к чаю	82
Глава X. Закаленное железо и золото	86
Глава XI. Первые впечатления	95
Глава XII. Утренние визиты	103
Глава XIII. Глоток свежего воздуха	109
Глава XIV. Мятеж	116
Глава XV. Хозяева и рабочие	121
Глава XVI. Тень смерти	137
Глава XVII. Что такое забастовка?	145
Глава XVIII. Симпатии и антипатии	154
Глава XIX. Визит ангела	162
Глава XX. Человек и джентльмен	173
Глава XXI. Темная ночь	182
Глава XXII. Удар и его последствия	190
Глава XXIII. Ошибки	203
Глава XXIV. Ошибки исправлены	210
Глава XXV. Фредерик	216

СОДЕРЖАНИЕ

Том II

Глава XXVI. Мать и сын	227
Глава XXVII. Натюрморт с фруктами	232
Глава XXVIII. Утешение в горе	239
Глава XXIX. Луч солнца	256
Глава XXX. Наконец дома	263
Глава XXXI. Должно ли быть забыто старое знакомство?	275
Глава XXXII. Неудача	286
Глава XXXIII. Покой	291
Глава XXXIV. Ложь и правда	296
Глава XXXV. Искушение	301
Глава XXXVI. Союз не всегда сила	315
Глава XXXVII. Взгляд на юг	326
Глава XXXVIII. Обещания исполнены	336
Глава XXXIX. Зарождение дружбы	350
Глава XL. Не в лад	359
Глава XLI. Конец пути	373
Глава XLII. Одна! Одна!	385
Глава XLIII. Отъезд Маргарет	396
Глава XLIV. Спокойствие, но не покой	406
Глава XLV. Не только сон	417
Глава XLVI. Прошлое и настоящее	420
Глава XLVII. Настоятельная потребность	439
Глава XLVIII. «Чтобы исчезнуть навсегда»	444
Глава XLIX. Веяние покоя	450
Глава L. Перемены в Милтоне	457
Глава LI. Встреча	467
Глава LII. «Тучи рассеялись»	474

КРЭНФОРД

Перевод И. Гуровой

Глава I. Наше общество	481
Глава II. Капитан	492
Глава III. Давняя любовная история	507

СОДЕРЖАНИЕ

Глава IV. Визит к старому холостяку	516
Глава V. Старые письма	528
Глава VI. Бедный Питер	539
Глава VII. Визиты	550
Глава VIII. «Ваша милость»	562
Глава IX. Синьор Брунони	575
Глава X. Паника	585
Глава XI. Сэмюэл Браун	599
Глава XII. Помолвка	611
Глава XIII. Прекращение платежей	619
Глава XIV. Друзья в нужде	631
Глава XV. Счастливое возвращение	648
Глава XVI. Мир нисходит на Крэнфорд	661

Литературно-художественное издание

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ
СЕВЕР И ЮГ

Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Маргарита Ахметова, Станислава Кучепатова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 27.04.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 42. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ILN-12575-06-R